

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-666-677

УДК [811.111:811.161.1]’373

Научная статья / Research article

Оппозитивная семантика в английских и русских фразеологических единицах на примере ФЕ с семантическим компонентом **MAN** и **ЧЕЛОВЕК**

Л.Н. Лунькова¹ ✉, Ю.И. Фролова²

¹Государственный социально-гуманитарный университет,
140410, Российская Федерация, Московская область, Коломна, ул. Зеленая, д. 30

²Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 18»,
140410, Российская Федерация, Московская область, Коломна, ул. Южная, д. 7

✉ loralu@list.ru

Аннотация. Представлен комплексный анализ феномена фразеологической единицы (ФЕ): его лингвокогнитивной основы, структурно-семантического потенциала, а также особенностей актуализации в английском и русском лингвокультурных пространствах при манифестации многомерного оппозитивного смысла на примере группы ФЕ с семантическим компонентом *man* (*человек*). Выявлено, что в английском языке компонент *man* проявляет свойства полисеманта и участвует в реконструкции трех базовых модусов бытия: морально-этического, когнитивно-психологического, социально-экономического. В русском языке семантический компонент *человек* уступает по уровню полисемии англоязычному аналогу и репрезентирует монолитный духовный модус. Такое фундаментальное отличие обуславливается тенденцией к идеальной интерпретации типично материальных смыслов, специфичной для русской лингвокультуры. Обнаружено, что в обоих языках семантика оппозитивности проявляется как на уровне внутренних (между компонентами одной и той же ФЕ), так и на уровне внешних связей (с другими ФЕ). Причем основную оппозитивную нагрузку несут лексико-грамматические средства: антонимы, адверсативные союзы и частицы, формирующие симметричные и ассиметричные контрастивы. Доказано, что оппозитивные паттерны со схожей структурой маркируют в английском и русском языках принципиально разные архисемы, пространствующие в плоскости исследуемых лингвокультур полярные экзистенциально-аксиологические траектории (материальную и идеальную соответственно).

Ключевые слова: фразеологическая единица, ФЕ, оппозиция, оппозитивная семантика, лингвокультура, архисема, полисемант, антоним, адверсативный союз

© Лунькова Л.Н., Фролова Ю.И., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 15.07.2022

Для цитирования:

Лунькова Л.Н., Фролова Ю.И. Оппозитивная семантика в английских и русских фразеологических единицах на примере ФЕ с семантическим компонентом *MAN* и *ЧЕЛОВЕК* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 666—677. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-666-677>

Oppositive Semantics in English and Russian Phraseological Units by the example of PHU with a Semantic Component *MAN*

Larisa N. Lunkova¹ ✉, Julia I. Frolova²

¹State University of Social Studies and Humanities,
30, Zelyonaya str., Kolomna, Moscow Region, Russian Federation, 140410

²High Comprehensive School Number 18,
Yuzhnaya str., Kolomna, Russian Federation, 140404

✉ loralu@list.ru

Abstract. The article deals with a complex analysis of a phraseological unit (PhU) phenomenon: its linguo-cognitive basis, structural-semantic potential as well as actualization peculiarities in the English and Russian linguo-cultural spaces under the manifestation of a multidimensional oppositive sense through PhUs with a semantic component *man*. The study establishes that the component exhibits the characteristics of a polysemant in the English language and reconstructs three basic modi of entity: mental-ethical, cognitive-psychological, socio-economic. The semantic component *man* is less polysemantic in Russian compared to the English equivalent and represents a monolithic spiritual modus. This fundamental difference is caused by the tendency to the ideal interpretation of typically material senses which is specific to the Russian linguoculture. It is revealed that oppositive semantics manifests itself both on the level of internal relations (between the components within a PhU) and on the level of the external ones (with other PhUs) in the two languages. Besides, the main oppositive load is carried out through lexical-grammatical means: antonyms, adversative conjunctions and particles that form symmetrical and asymmetrical contrastives. The study proves that oppositive patterns with a similar structure mark fundamentally different archisemes in English and in Russian, modeling diametrically opposed existential-axiological trajectories (material and ideal correspondingly) in the linguocultures under examination.

Key words: phraseological unit, PhU, opposition, oppositive semantics, linguoculture, archiseme, polysemant, antonym, adversative conjunction

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 15.07.2022

For citation:

Lunkova, L.N. & Frolova, J.I. (2022). Oppositive Semantics in English and Russian Phraseological Units by the example of PHU with a Semantic Component *MAN*. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 666—677. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-666-677>

Введение

Феномен фразеологической единицы (ФЕ)

Новейшие достижения в области лингвокогнитологии и структурно-семиотических исследований окончательно утвердили идею о фундаментальном *метаединстве* мышления, языка и культуры, реализующемся в разнообразных интеллектуальных конструктах¹, которые модифицируют изоморфные структуры внешней реальности и служат опосредующим звеном между субъектом и объектом когниции. В этом контексте естественный язык «является по существу культурным хранилищем обширных и самодостаточных сетей психических процессов» [1. С. 97–98], ««промежуточным миром» между мышлением и действительностью», воспроизводящим «особое национальное мировоззрение» [2. С. 21]. Исходя из указанной логики, композита смысла любого уровня (фонема, морфема, лексема, синтагма или сверхфразовое единство), актуализирующаяся в системе языка, представляет собой определенный тип *фрагментирования* окружающей реальности, продиктованный этноязыковой личности культурой в качестве эталонной модели репрезентации мыслительной активности. Важнейшим продуктом такого фрагментирования становятся в частности «лексические поля, система которых и составляет лексическую картину мира», занимающую «ведущее место по отношению ко всем (...) другим картинам мира — словообразовательной, морфологической или синтаксической» ввиду ее способности «осуществлять моделирование мира в целом» [там же С. 24].

Одним из основных компонентов большинства лексико-семантических полей (ЛСП), обладающих принципиальной значимостью в контексте той или иной культуры, традиционно выступают *фразеологизмы* или *фразеологические единицы* — словосочетания, где «семантическая монолитность (цельность номинации) довлеет над структурной раздельностью составляющих их элементов (выделение признаков предмета подчинено его целостному обозначению), вследствие чего они функционируют в составе предложения как эквиваленты отдельных слов» [3. С. 503–504]². Это

¹ Под такими конструктами мы подразумеваем когнитемы, концепты, категории, фреймы, культурно-исторические архетипы и т.д.

² В современной лингвистике существует плюрализм мнений относительно природы *фразеологизма*. Так, В.М. Мокиенко определяет его как «относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением» [4. С. 5]. В.Н. Телия отождествляет фразеологизмы с «микротекстами, в номинативное основание которых, связанное с ситуативным характером обозначаемого, втягиваются при его концептуализации все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные (...) в виде «свёртки», готовой к употреблению как текст в тексте» [5. С. 8]. А.В.И. Теркулов относит феномен фразеологизма к категории лингвистических «фантомов», так как он «не представляет собой уникальной самостоятельной языковой сущности», а репрезентируют «только прецедентные словосочетания разного номинативного типа» [6. С. 173–174]. В тексте настоящей статьи мы остановимся на дефиниции О.С. Ахмановой, делающей акцент на *структурно-семантической* основе явления.

означает, что специфика фразеологизма как языкового феномена детерминруется нерасчлененностью его семантического базиса и дробной (поликомпонентной) природой его формы [7. С. 21–25], что позволяет классифицировать ФЕ по различным основаниям³. Оппозиция формы и содержания в структуре ФЕ интенсифицируется семантической гетерогенностью входящих в нее элементов, комбинирующих «свойства деактуализированного слова (на фоне актуального фразеологического значения) и полноценного слова (на фоне этимологического значения фразеологизма)» [7. С. 22]. Таким образом, слово, принадлежащее ФЕ, не теряет внутренней наполненности, оставаясь самодостаточным звеном единой «семантической цепи».

Семантическая специфика ФЕ и манифестация оппозитивного смысла

С точки зрения фразеологической семантики значение ФЕ имеет семную организацию и включает в себя денотативно-сигнификативный и коннотативный элементы, т.е. формируется совокупностью денотативной, сигнификативной и коннотативной сем. Денотативно-сигнификативный элемент функционирует в рамках сложной иерархической модели: его интенционал (понятийное ядро) обуславливается корреляцией архисемы и семантически подчиненных ей дифференциальных сем, а импликационал (периферия) — взаимозависимостью потенциальных (околоядерных) и скрытых (периферийных) сем [11. С. 220]. В отличие от денотативно-сигнификативного, коннотативный элемент реализуется на основе сопряжения равноправных составляющих: оценочной, эмотивной и стилистической, что «влияет на употребление и оттенок ФЕ, обеспечивая (...) его многозадачность» [12. С. 88]. В смысловой «ткани» ФЕ коннотация всегда доминирует над денотацией, поэтому отличительным свойством многих фразеологизмов выступает «своеобразная подвижность, мобильность их значения», индицируемая «значительными колебаниями оценочного момента» [там же]. Такая семантическая вариативность делает ФЕ значительно более эффективным инструментом (в сравнении со словами-синонимами) для манифестации сложных, многомерных смыслов, например, *оппозитивного* или *противопоставительного*⁴

³ Например, В.В. Виноградов классифицирует ФЕ по степени семантической слитности [8. С. 121–137]. Классификации с альтернативными критериями принадлежат Ш. Балли и В.Н. Телия. Так, Ш. Балли выделяет привычные сочетания и фразеологические ряды [9. С. 87], а В.Н. Телия — идиомы, фразеологические сочетания, паремии, речевые штампы, клише и крылатые выражения [10. С. 60]. В ходе нашего исследования мы будем опираться на классификацию В.В. Виноградова, учитывающую наиболее частотные виды ФЕ в русском и английском языках.

⁴ «ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ (противоположение, оппозиция) англ. opposition, фр. opposition, нем. Gegensatz, исп. oposición. 1. Различие двух (или более) однородных единиц языка, способное выполнять семиологическую функцию, т.е. быть семиологически релевантным» [3. С. 369]. В настоящей статье термины *оппозитивный* и *противопоставительный* используются в качестве синонимов.

смысла, характеризующегося полифазным формированием и располагающего разнообразными средствами репрезентации на всех уровнях языковой системы.

Несущими осями семантики оппозитивности служат интеллектуальные операции сравнения и тождества: «(...) *основание для сравнения* — это и есть момент тождества: больше точек соприкосновения — *сдержанное, ослабленное противопоставление* [13. С. 22], или **сопоставление**, акцентирующее сходство; больше точек разрыва — собственно **противопоставление**, или продвинутое к крайним точкам сопоставление, акцентирующее различие» [14. С. 27]. Иными словами, идея оппозитивности возникает в плоскости сравнительного анализа рассматриваемых объектов и манифестации их существенных различий. При этом сравнительный смысл является превалирующим, а оппозитивная семантика актуализируется из-за последующей негации одного из объектов.

Оппозитивность и ее прагматические модификации (отрицание, ограничение, уступительность и т.д.), маркирующие «позицию несогласия и противопоставления, отрицания и отрицательную оценку» [там же С. 8], входят в парадигму универсальных смыслов, представляющих экзистенциально-коммуникативную важность для индивида любой этнокультуры. Именно поэтому они легко вычлняются в семантическом пространстве и посредством внешних и внутренних связей⁵ ФЕ, репрезентирующих ключевые лингвокультурные концепты.

Реализация оппозитивной семантики в английских ФЕ с семантическим компонентом “man”

В системе английского языка лексема *man* проявляет свойства полисеманта⁶, а также обладает статусом инвариантной интегральной семы, т.е. характеризуется значительным идеосинкретическим ресурсом, обеспечи-

⁵ «(...) Фразеологизм реализует не только собственное значение (...), но и обнаруживает системные связи и отношения (прежде всего парадигматические и синтагматические) с другими фразеологизмами, а также со словами» [7. С. 22] — такие связи называются *внешними*. «Одновременно фразеологизм (...) проявляет сходные связи и отношения на уровне собственной компонентной структуры» [там же] — такие связи являются *внутренними*. Оба вида связей демонстрируют существенное сходство, например, «фразеологический оборот как целое находится с другими фразеологизмами в отношениях вариантности, синонимии, семантического сближения, гипонимии, тематического единства и т.д. В аналогичные семантические связи вступают и отдельные компоненты фразеологических единиц» [там же].

⁶ Macmillan Online Dictionary⁷ предлагает десять основных оттенков смысла: adult male human (*an ambitious young man*); people in general (*a man likes to have some time to himself*); someone strong and brave (*come on, be a man!*); from particular place (*a city man*); man who likes something (*I'm not really a football man*); husband/boyfriend etc. (*Jessica's new man*); in armed forces (*general Hoge ordered his men to take the bride*); man who does work (*the men were threatening to go on strike*); for talking to man/boy (*hey man, how are you doing?*); powerful man (*a big man*) Режим доступа: https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/man_1#man_1__46 (дата обращения: 02. 05. 2021).

вающим образование единого концептуально-тематического метапространства посредством синтеза целого ряда ЛСМ, реконструирующих фрагменты ведущих модусов человеческого бытия (морально-этического, когнитивно-психологического и социально-экономического). Так, к репрезентантам морально-этического модуса можно отнести следующие оппозитивные ФЕ-носители компонента *man*: *every man is a fool sometimes, and none at all times; a wise man changes his mind, a fool never will; a fool may give a wise man counsel; a man of words and not of deeds is like a garden full of weeds; a man of blood and iron*. В приведенных фразеологических единствах и сочетаниях семантика оппозитивности манифестируется на уровне внутрикомпонентных связей: языковые единицы лексического уровня, принимающие на себя основную оппозитивную «нагрузку», вступают в антонимические отношения, формируя не только симметричные (*every — none; sometimes — all times; words — deeds; blood — iron*), но и асимметричные (*a wise man — a fool; garden — weeds*) контрастивы. В бинарной структуре последних выделяются аддитивные элементы, интенсифицирующие один из полюсов противопоставления, например, лексическая единица (ЛЕ) *never* добавляет семантический вес лексеме *fool*, подчеркивая негативную оценку (*a wise man changes his mind, a fool never will*), ту же самую функцию выполняет и ЛЕ *full of*, входящая в пространство лексемы *weeds* (*(...) is like a garden full of weeds*). Лексико-грамматически оппозитивный смысл эксплицируется, главным образом, с помощью конструкции с отрицательной частицей *not* (*(...) a man of words and not of deeds*) и адверсативного союза *and* (*every man is a fool sometimes, and none at all times; a man of words and not of deeds (...); a man of blood and iron*), синтезирующего сопоставление членов контрастной пары по тому или иному признаку и семантическую негацию одного из них⁷. Например, в сращении *a man of blood and iron* ЛЕ *blood* и *iron* актуализируются как полярные начала человеческой природы, одновременно взаимодополняющие друг друга и конфронтирующие друг с другом, при этом ЛЕ *iron* выступает в роли доминирующего компонента сравнения, а ЛЕ *blood* подвергается нейтрализации.

Когнитивно-психологический модус представлен такими оппозитивными фразеологическими единствами и сочетаниями, как: *man proposes, god disposes; one small step for a man, one giant leap for the mankind; a man can die but once; a man is as old as he feels, and a woman as old as she looks; once a man and twice a child; are you a man or a mouse?* Как и в плоскости морально-этического модуса, здесь реализуются исключительно внутренние антонимические связи между семантически эквиполентными лексическими элементами ФЕ (*man — god; proposes — disposes; small — giant; a man —*

⁷ Примечательно, что оппозитивная семантика располагается на периферии ЛСП союза, в его ядре — исключительно присоединительный смысл: *he brought the food and she gave it to her mother*.

the mankind; a man — a woman; feels — looks; once — twice; a man — a child; a man — a mouse). В такой ситуации аксиологически оправданное приращение оппозитивного смысла обеспечивается не качественно (путем структурно-семантической асимметрии), а количественно (благодаря сопряжению сразу нескольких контрастных пар в границах одной ФЕ), например, *once a man and twice a child (once — twice; a man — a child)*. Наряду с уже рассмотренным адверсативным союзом *and* внутрикомпонентное противопоставление в приведенных фразеологических сращениях и сочетаниях оформляется также адверсативным союзом *but* и разделительным союзом *or*. В фокусе адверсативного союза *but* находится идея противоречия или совмещенности несовместимого, создающая предпосылки для трансформации объекта дескрипции и сокращения компонентного состава ФЕ: *a man can die but once* (в плане содержания — отрицается физическая способность пережить более одной смерти, в плане выражения — «отсекается» предикат: (...) *but can die once*). В отличие от адверсативного союза *but*, разделительный союз *or* лишен аспекта негации: его семантическое ядро составляет контрастное сопоставление, т.е. оппозиция двух потенциально возможных сценариев развития событий: *are you a man or a mouse?* (обе поведенческие линии представлены как равновероятные альтернативы).

Наконец, социально-экономический модус включает в себя самую внушительную номенклатуру оппозитивных фразеологических сращений и сочетаний: *men may meet but mountains never; man is a wolf to man; the man high up; the man in the street; a man of mark; a man of mould; a man can do no more than he can; never send a boy to do a man's job; one man's loss is another man's gain*. Для представленных выше ФЕ характерны антонимические связи и на внутреннем, и на внешнем контуре. На уровне интерструктурной организации можно выделить следующие лексические оппозиции: *men — mountains; man — a wolf; a boy — a man; one — another; loss — gain*; а в плоскости ЛСП целого модуса оппозитивные отношения объединяют в пары такие ФЕ, как: *men may meet but mountains never — man is a wolf to man; the man high up — the man in the street; a man of mark — a man of mould*. Члены оппозиций обоих видов — внутренних и внешних — являются семантически симметричными и в некоторых случаях дополняются средствами лексико-грамматической оппозитивности (адверсативным союзом *but*, адверсативно-сравнительной конструкцией *no more than* и адвербиальным интенсификатором *never*): *men may meet but mountains never; a man can do no more than he can; never send a boy to do a man's job*.

Таким образом, семантический потенциал лексических и грамматических инструментов манифестации оппозитивного смысла и их лексико-грамматических вариаций, присутствующих в структуре ФЕ всех трех модусов, становится значительнее благодаря функционированию в составе стилистико-композиционных паттернов: сравнительных оборотов (*man is a wolf to man*), метафорических переносов (*a man of blood*

and iron), синтаксического параллелизма (*man proposes, god disposes*), бессоюзных конструкций с опущением одного из лексических элементов (*a wise man changes his mind, a fool never will*), рифмовки (*a man of words and not of deeds is like a garden full of weeds*) и т.д. Эмотивно-оценочный компонент, превалирующий в смысловой архитектонике таких паттернов, способствует более интенсивному высвечиванию ключевых архисем: *wisdom — foolishness; determination — indecision; courage — cowardice; respect — contempt; practicality — inactivity; wealth — poverty*; маркирующих полярные координаты англоспецифичного концептуально-тематического метапространства *human existence*.

Реализация оппозитивной семантики в русских ФЕ с семантическим компонентом «человек»

В русском языке семантический компонент *человек* уступает по уровню полисемии англоязычному аналогу⁸, однако также относится к интегральным семам, обладающим высокой частотностью в оппозитивных ФЕ и «стягивающим» их в единую смысловую плоскость: *золото — огнем, а человек бедой познается; много народу — да мало людей; хоть он и свишня, да все-таки человек; от живого человека добра не ищи, а от мертвого подавно; бездушный/черствый/худой человек; золотой человек; ни человек, а охалка пустяков; человек не скотина, а и ту недолго испортить; человека видим, а души не видим; по шубе зверя узнаешь, а человека не узнаешь; хоть шуба овечья, да душа человечья; рысь пестра снаружи, а человек внутри; без несчастья нет века, без пороков — человека; человек не бочка: не нальешь, да не заткнешь гвоздем; вода все осиливает, а человек осилит и воду; бог — что захочет, человек — что сможет; человек — не бог; рыбам — вода, птицам — воздух, а человеку — вся земля. Очевидно, что приведенные фразеологические единства и сочетания комплексно репрезентируют идеальную сферу человеческого существования, т.е. морально-этический, когнитивно-психологический и социально-психологический модусы, граница между которыми номинальна вследствие глубокого взаимопроникновения их концептуальных и лексико-семантических пространств⁹. Тогда можно рассуждать о наличии монолитного духовного модуса, формируемого оппозитивными ФЕ с указанным семан-*

⁸ В онлайн-словаре Т.Ф. Ефремовой находим такое толкование: человек — это «живое существо, в отличие от животного обладающее даром речи, мысли и способностью производить орудия труда и пользоваться; носитель каких-л. качеств, свойств (...), личность; любое лицо, всякий; устар. дворовый слуга». Режим доступа: <https://www.efremova.info/word/chelovek.html#.YGBKHq8zZPY> (дата обращения: 02. 05. 2021).

⁹ В русском языковом сознании дифференциальная сема *человек* в большинстве контекстов сливается с архисемой *человечность*, представляющей собой категорию идеального.

тическим компонентом, и практически полном отсутствии социально-экономического модуля¹⁰.

В структурно-семантическом аспекте для русских оппозитивных ФЕ, как и для английских, более характерны внутренние антонимические связи, чем внешние: *много — мало; свинья — человек; живой — мертвый; человек — охалка пустяков; человек — скотина; человек — душа; зверь — человек; снаружи — внутри; человек — бочка* и т.п. Отношения внешней оппозитивности довольно редки: *золотой человек — бездушный/черствый/худой человек; золотой человек — ни человек, а охалка пустяков; вода все осиливает, а человек осилит и воду — человек — не бог*. Еще одним сходством между двумя языками выступает доминирование симметричных контрастивов (например, *человек — не бог*) над асимметричными т.е. осложненными ЛЕ-интенсификаторами оппозитивности (например, *от живого человека добра не ищи, а от мертвого **подавно** — адвербиальный интенсификатор; хоть он и свинья, да **все-таки** человек — интенсификатор-частица; рыбам — вода, птицам — воздух, а человеку — **вся** земля — интенсификатор-местоимение*). В русских ФЕ так же имеют место случаи усиления симметричного противопоставления путем использования дополнительных оппозиций: *рысь пестра снаружи, а человек внутри (рысь — человек; снаружи — внутри), много народу — да мало людей (много — мало; народ — люди)*.

Кроме того, в русском языке действует аналогичный английскому механизм репрезентации оппозитивной семантики на грамматическом и лексико-грамматическом уровнях, когда противопоставление синтаксически опосредуется адверсативными союзами и отрицательными частицами. Тем не менее в русской языковой системе их конструктивно-содержательный облик имеет ряд специфических черт, детерминированных ее имманентными лингвокультурными закономерностями. Так, относительными эквивалентами адверсативного союза *and* в анализируемых оппозитивных ФЕ служат адверсативные союзы *а* и *да* (*человека видим, **а** души не видим; много народу — **да** мало людей*). В рамках большинства ЛСП союз *а* проявляет свойства не только союза, но и союза-модификатора, формируя структурно более сложные союзные образования и сочетаясь «с разного рода конкретизаторами — частицами, модальными словами, наречиями и др.» [14. С. 134] (*вода все осиливает, **а** человек осилит и воду; ни человек, **а** охалка пустяков*). Это позволяет союзу *а* организовывать многочисленные лексико-грамматические комбинации, способные передавать тончайшие оттенки оппозитивно-уступительной семантики (*человек не скотина, **а** и ту недолго испортить*). Союз *да* — лексико-грамматический синоним союза *а*, но в отличие от последнего, моделирует противопоставление только при участии отрицательных частиц и корреспондирующего контекста (*чело-*

¹⁰ Даже типично материальные смыслы в русской этнолингвокультуре получают идеальное истолкование: *не с богатством жить, а с человеком; человека лень не кормит, а здоровье только портит; маленький* (=не отличающийся силой характера, зависимый, забитый) *человек* и т.д.

век не бочка: не нальешь, да не заткнешь гвоздем), в другом семантическом окружении трансформируется в инструмент присоединения. Семантика адверсативно-уступительного союза *хоть/хотя* (частичного эквивалента союза *but*) маркирует оппозицию с оттенком ограничения: «к *ограничительному* сочетанию должно отнести и все так называемые *уступительные*, в которых противительные предложения всегда заключают в себе мысль, хотя и справедливую, иногда даже сильнейшую против мысли главного предложения, — но и за всем тем не уничтожающую ее» [15. С. 26–27]. Однако уступительный смысл все же занимает ведущую позицию по отношению к оппозитивному, что обнаруживается в нескольких из представленных ФЕ (*хоть он и свинья, да все-таки человек; хоть шуба овечья, да душа человеческая*). Таким образом, средства лексико-грамматической оппозитивности, актуализирующиеся в системе русского языка, обладают значительно большей функциональностью и валентностью, т.е. потенцией к образованию уникальных противопоставительных оттенков, в сравнении с английскими эквивалентами.

Как и оппозитивные ФЕ английского языка, русские оппозитивные ФЕ содержат стилистические элементы, интенсифицирующие семантику противопоставления: метафоры (*ни человек, а охапка пустяков*), эпитеты (*бездушный/черствый/худой/золотой человек*) синтаксический параллелизм (*рыбам — вода, птицам — воздух, а человеку — вся земля*), бессоюзные конструкции (*без несчастья нет века, без пороков — человека*). Но эти интенсификаторы акцентируют образы, порожденные полярными архисемами, отличными от английских: *преданность — предательство, человечность — бесчеловечность, честность — бесчестность, добро — зло, сила — слабость* и т.д. Такие когнитивно-метафорические маркеры дают основание утверждать, что в русской этнолингвокультуре концептуально-тематическое метапространство *бытие человека* намного сильнее ориентировано на моделирование внутренней (духовной) экзистенциальной территории, чем в английской¹¹.

Заключение

Проведенный сопоставительный анализ оппозитивной семантики в английских и русских фразеологических единицах с семантическим компонентом *man* и *человек* позволил изучить их особенности в рамках внутренней структуры ФЕ и в плоскости отношений с другими ФЕ, принадлежащих тому же концептуально-тематическому метапространству, и сделать вывод о том, что несущими осями морально-этического, когнитивно-психологического и социально-эконо-

¹¹ В английском языке многие стилистические элементы (*a man of mark; a man of blood and iron; the man high up*), а также оппозитивные архисемы (*wisdom — foolishness; determination — indecision; courage — cowardice; respect — contempt; practicality — inactivity; wealth — poverty*) выступают маркерами не внутреннего, морально-этического образа индивида, а его социального имиджа (респектабельного или нереспектабельного, успешного или неуспешного человека).

мического модусов человеческого бытия в английском языке и монолитного духовного модуса в русском языке являются уникальные оппозитивные паттерны. Лингвоспецифичная интерпретация идеи оппозитивности на уровне ментальной сборки реальности, характеризующая онтологический фундамент картин мира обоих этносов, доказывает большую ориентированность английской культуры на ценности, детерминирующие успех в социальной интеракции, в сравнении с русской культурой, в фокусе которой находятся духовные категории, моделирующие взаимоотношения индивида со своим внутренним «я».

Библиографический список

1. Уорф Б. Наука и языкознание // Зарубежная лингвистика. Выпуск 3. М.: Прогресс, 1999.
2. Ваганова Е.Г. Языковая картина мира: онтологический анализ // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 1 (19). С. 20–29.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007.
4. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1989.
5. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
6. Теркулов В.И. Фразеологизм и нанотема // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2012. № 4 (32). С. 170–174.
7. Жуков А.В. О системности фразеологии // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 21–26.
8. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц. М.: Просвещение, 1972.
9. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
11. Алефиренко Н.Ф. Проблемы фразеологического значения и смысла: (В аспекте межуровневого взаимодействия языковых единиц): моногр. Волгоград: Перемена, 2000.
12. Лескина С.В. Смысловая соотнесённость русских и английских пейоративных фразеологизмов // Система ценностей современного общества. 2009. № 6. С. 87–92.
13. Новиков Л.А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание // Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. М.: Русский язык, 1984.
14. Милованова М.С. Семантика противительности: опыт структурно-семантического анализа: моногр. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015.
15. Говоров К. Логические отношения мыслей как основа сочетания предложений. Воронеж: типография В. Гольдштейна, 1862.

References

1. Whorf, B. (1999). Science and Linguistics. In: *Foreign Linguistics*. Iss. 3. Moscow: Progress. (In Russ.).
2. Vaganova, Ye.G. (2015). The Linguistic Picture of the World: Ontological Analysis. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, 1(19), 20–29. (In Russ.).
3. Akhmanova, O.S. (2007). *Dictionary of Linguistic Terms*. Moscow: KomKniga. (In Russ.).
4. Mokienko, V.M. (1989). *Slavic Phraseology*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
5. Teliya, V.N. (1986). *The Connotive Aspect of the Semantics of Nominal Units*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
6. Terkulov, V.I. (2012). Phraseological Unit and Nanotheme. *Humanitarian Vector: Seriya: Filologiya, vostokovedenie*, 4(32), 170–174. (In Russ.).
7. Zhukov, A.V. (2010). About the Systemacy of Phraseology. *The World of Russian Word*, 3, 21–26. (In Russ.).

8. Vinogradov, V.V. (1972). *About the Main Types of Phraseological Units*. Moscow: Prosveshcheniye. (In Russ.).
9. Balli, Sh. (2001). *French Stylistics*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
10. Teliya, V.N. (1996). *Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguoculturological Aspects*. Moscow: Languages of Slavic Cultures publ. (In Russ.).
11. Alefirenko, N.F. (2000). *Issues of the Phraseological Meaning and Sense: (In Terms of the Interlevel Interaction of Linguistic Units)*. Volgograd: Peremena publ. (In Russ.).
12. Leskina, S.V. (2009). The Semantic Interrelationship of Russian and English Pejorative Phraseological Units. *Sistema cennostej sovremennogo obshchestva*, 6, 87–92. (In Russ.).
13. Novikov, L.A. (1984). *Russian Antonymy and its Lexicographical Description*. The Dictionary of Russian Antonyms. Moscow: Russkyi yazyk publ. (In Russ.).
14. Milovanova, M.S. (2015). *The Semantics of Oppositivity: the Experience of Structural-Semantic Analysis*. Moscow: FLINTA: Nauka publ. (In Russ.).
15. Govorov, K. (1862). *Logical Relations of Thoughts as a Basis of Sentence Combination*. Voronezh: Tipografia V. Goldshteyna publ. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Лунькова Лариса Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германо-романских языков и методики их преподавания Государственного социально-гуманитарного университета; *научные интересы*: теория и практика перевода, теория и практика межкультурной коммуникации, теоретическая лингвистика, когнитивная лингвистика, стилистика и анализ текста. *e-mail*: loralu@list.ru
eLIBRARY SPIN-код: 1070-6923; Scopus Author ID: 57295863800.

Фролова Юлия Игоревна, учитель иностранных языков МБОУ «СОШ № 18» Коломенского городского округа; *научные интересы*: стилистика, теоретическая лингвистика, когнитивная лингвистика, методика преподавания иностранных языков; *e-mail*: juliejulie1903@gmail.com
eLIBRARY SPIN-код: 1070-6923; Scopus Author ID: 57297118100.

Information about the authors:

Larisa N. Lunkova, Dr. Sc. (Philology), Assistant-Professor, Professor of the Chair of German and Roman languages and their teaching methods in the State University of Social Studies and Humanities, Kolomna; *Research interests*: theory of translation and practical translation, intercultural communication, theoretical linguistics, cognitive linguistics, general stylistics and text analysis; *e-mail*: loralu@list.ru
eLIBRARY SPIN-код: 1070-6923; Scopus Author ID: 57295863800.

Julia I. Frolova, teacher of foreign languages (High Comprehensive School Number 18, Kolomna district); *Research interests*: stylistics, theoretical linguistics, cognitive linguistics, language teaching methodology. *e-mail*: juliejulie1903@gmail.com
eLIBRARY SPIN-код: 1070-6923; Scopus Author ID: 57297118100.